

Андрей Посняков

К
О
Н
Г
О
Т
Ь
Е
Р

Король

Кондотьер

Андрей Посняков

Король

«Издательство АСТ»

2016

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

Посняков А. А.

Король / А. А. Посняков — «Издательство АСТ»,
2016 — (Кондотьер)

ISBN 978-5-17-098913-3

1573 год. Наш современник Леонид Арцыбашев вновь оказывается в гуще интриг под видом ливонского короля Магнуса. Однако на этот раз могущественный царь Иоанн Грозный осерчал на своего верного вассала и на его молодую супругу, княжну Марию Старицкую. Мария схвачена и привезена в Москву, где ожидает лютой казни. Сам Магнус делает все, чтобы ее спасти, используя старых и новых друзей, собственную смекалку, интриги. Но кроме Марии есть еще и Ливония, истерзанная и погруженная в кровавый хаос войны. Самые сильные державы тогдашней Европы сошлись там не на жизнь, а на смерть: Швеция, Речь Посполитая, Россия... А еще по ливонским землям рыскают банды наемников, сея вокруг разоренье и смерть. Мало того, пользуясь отсутствием монарха, бароны вот-вот поднимут мятеж... Кровь, насилие, хаос... Все как и было предсказано еще лет пятнадцать назад, когда в небе над Ливонией появилась огненная комета, оставившая ныне столь страшный след. У всех, кто хочет мира и благоденствия, осталась лишь одна надежда – ливонский король, уже успевший заявить о себе как истинный государь, озабоченный счастьем своего народа. Все меньше и меньше вспоминает Леонид о том, кто он на самом деле такой, и, забыв про свое самозванство, чувствует и ведет себя как истинный и легитимный «добрый король Магнус»...

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-098913-3

© Посняков А. А., 2016

© Издательство АСТ, 2016

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	22
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Андрей Посняков Кондотьер

Глава 1 Взять их!

Новгородская область

Спустившись с холма по узкой тропке, ярко-красная Ява-250 ходко покатила по пыльной деревенской улице, обдавая сидевших на лавочке у почты стариков сизым вонючим дымом.

– Хороша! – старики переглянулись. Один из них, в темно-сером пиджаке с орденом Красной Звезды на лацкане, скептически ухмыльнулся:

– У деверя моего «БМВ» трофейный. Вот это – машина!

– Так «БМВ» тяжелый, как наш «Урал», а это... это ж ласточка! Смотри, как летит.

– А у Федьки-то, внука – «Ковровец»...

– Ну, ты, Иван, и сравнил. «Ковровец» и «Яву»!

– Так я ж и говорю – у внука-то...

Пока старики спорили, ярко-красная, с хромированными боками, «ласточка» вылетела на шоссе и резко прибавила скорость, вызвав искренне восхищение проезжавших на велосипедах мальчишек.

– Вот это да!

– Здорово!

– Законно!

Все эти восхищенные возгласы относились к самому мотоциклу, а отнюдь не к его седокам – молодому человеку и девушке в старинных, словно взятых напрокат из какого-нибудь

театра, костюмах. На девушке – темно-синий сарафан да белая рубаша с вышивкою, на молодом человеке – натуральный бархатный камзол с гофрированным жестким воротником да штаны с буфами. Не мотоциклист, а «Фанфан-Тюльпан» какой-то! Фильм этот, кстати, не так давно крутили в местном, переделанном из старинной церкви, клубе. Шел на ура! Еще бы – там и приключения, и любовь, и шпаги...

– Как, Маша? – выехав на шоссе, молодой человек обернулся к прижавшейся к нему девчонке – очень красивой, темноволосой, с чудными, сверкающими, как небо, глазами. – Не испугалась?

– Не-ет! – засмеялась девушка. – Я ничего не боюсь!

– Тогда держись!

– А?

– Держись, говорю. Сейчас веселее поедem!

Вот уж точно сказал – веселее! Стрелка на спидометре быстро пересекла цифру сто десять, а когда начала подбираться к ста двадцати, слева на повороте вдруг мелькнул желтый мотоцикл. Тяжелый, с коляской. Гаишник в черной крутке не успел и палочкой махнуть – красная «Ява» промчалась ураганом. Не догонишь, что «Урал» против «Явы»? Тем более на асфальтированном-то шоссе.

Можно было гнать, дорога оказалась на диво хорошей, да и не особо перегруженной транспортом. В основном грузовики – «газоны» да бело-голубые ЗиЛы, груженные сеном... а иные и навозом, да таким ядреным, что при обгоне мотоциклистам приходилось задерживать дыхание.

Сто двадцать «Ява» шла легко, без напряжения. Двигатель работал на удивление тихо, а подвеска оказалась такой мягкой, что даже укачивало.

– Водитель мотоцикла «Ява» красного цвета, немедленно остановитесь! Водитель мотоцикла «Ява»...

Усиленный репродуктором голос властно прозвучал из желто-синего «Москвича», возникшего в зеркале «Явы».

– Водитель мотоцикла «Ява»...

Мотоциклист выругался – «Москвич»-то не отставал, гадюка! На обгон не шел, но маячил позади, как приклеенный. Встреча с дорожной службой, похоже, в планы молодых людей не входила, и, обогнав автобус, «Ява» вдруг резко сбросила скорость и свернула на сельскую дорогу, а с нее – и вообще в поле, точнее говоря на луг. Так и покатила меж высоких медвяных трав по узкой тропинке. Перла как танк, не вздрогнула!

Мотоциклист остановился в небольшом перелеске, у высоких берез с первыми желтыми прядями среди густо-зеленой листвы. Еще было по-летнему тепло, хотя в светло-синем звенящем от прозрачности и чистоты небе уже собирались стаями первые перелетные птицы.

– Отдохнем, – аккуратно поставив «Яву» на подножку, молодой человек погладил хромированный бензобак и с улыбкой оглянулся на обворожительно красивую спутницу, словно сошедшую со страниц глянцевого журнала мод. – Ну, как ты?

– Я-то? Хорошо! – усевшись прямо в траву, девчонка лукаво улыбнулась. – Ах, Магнус, супруг и король мой, сам Господь нынче помог нам! Мы все ж убежали, я вижу. Вот только никак не пойму, на чем это стрельцы за нами гнались? У них что, тоже железные кони есть?

– Послушай, Машенька... – молодой человек, коего девушка только что назвала «супругом и королем Магнусом», внезапно задумался, не зная, что и сказать.

Он действительно был королем, королем Ливонии, государства, образованного в конце шестнадцатого века в ходе Ливонской войны, с подачи Ивана Грозного. И Маша... княжна Мария Старицкая, принцесса крови, племянница самого царя, совсем недавно стала его венчанною супругой. И сам Иван Васильевич веселился и плясал на их свадьбе... а потом повелел

предать обоих самой лютой казни! Якобы за предательство. За колдовство. Это все Бельские да Щелкаловы напели, подлые! Хотя если взять Машу, то – да, обвинения не были лишены оснований. Колдовала юная княжна, чего уж! Хотела известить «батюшку-царя», отомстить. Так ведь и было за что – кровавый тиран погубил почти всю ее семью, казнив родителей. Старшая Машина сестрица, Евфимия, три года назад умерла, остался лишь брат – князь Василий. Он и помог. Предупредил о казни. Пришлось срочно бежать – и тут вот пригодилась «Ява», с которой очень даже неплохо управлялся ливонский король...

Все дело в том, что Магнус был не совсем Магнус... и даже вовсе не Магнус, а некто по имени Леонид Арцыбашев, увлекающийся исторической драмой актер и режиссер провинциального театра, перебравшийся в начале двадцать первого века в Москву и вдруг ощутивший в себе тягу к антиквариату. Подземелья московского Кремля увлекли его, затянули и выбросили в прошлое... прямо в Кремль, где Леню приняли за пропавшего принца Магнуса, датского «немца», приглашенного в Москву сами царем Иоанном Грозным.

Пришлось стать Магнусом. И срочно искать способ вернуться обратно. Провал в пространстве и времени, проход, портал... Один из таких «провалов» располагался в Кремле под Тайницкой башней. Но, увы, перестал работать. Другой был где-то в море у острова Эзель – Сааремаа – и тот еще попробуй найди. Хорошо, отыскался третий – в Новгородской земле, превращенной после опричного похода Ивана почти в пустыню.

Так вот, через портал, и бежали. Спаслись! Теперь нужно было думать – что дальше.

Ну, во-первых, помочь юной княжне справиться с первым шоком. Она ж всю жизнь в шестнадцатом веке жила, а тут... Тут шоссе, автомобили, мотоциклы... трактор, вон, поле пашет. Под озимые, наверное.

– Маша! Помнишь, я тебе рассказывал про свой мир?

– Про свое королевство? – девушка прищурилась и потянулась. – Что-то не похоже на Ливонию. Да и не могли мы до нее так быстро добраться.

– Ну... это не совсем Ливония... – протянул Магнус, искоса поглядывая на трактор. – В общем, ты здесь не должна ничего бояться! Ни скоростей, ни передвигающихся без лошадей повозок, ни...

– Ха-ха-ха!!!

Маша неожиданно рассмеялась, залиvisto и громко, так, что сидевшая на ветке растущей рядом березы сорока, недовольно забив крыльями, упорхнула куда-то в лес. Впрочем, княжна тут же стала серьезной:

– Не бояться? О, супруг мой! Я Грозного царя не боялась и опричников его поганых – тоже! А ты думаешь, телег без лошадей испугаюсь или еще чего? Они что, лютой смерти страшнее? Еще раз тебе говорю. Я! Ничего! Не боюсь! Понял?

– Ну, ну, милая... – опустившись в траву рядом с Машей, Леонид ласково погладил супругу по спине. – Я ж знаю, что ты у меня смелая. Просто... осторожнее надо быть, вот что. И... не удивляться ничему. Что непонятно – у меня спроси, а я уж объяснить постараюсь.

– Хорошо, – княжна понятиво кивнула и пристально посмотрела мужу в глаза. – Те люди на желтых повозках – посланные царем стрельцы?

– Н-нет, – покусал губу Арцыбашев-Магнус. – Это свои, местные...

– Зачем же они тогда за нами гнались?

– Наверное, мы просто слишком уж быстро ехали.

А вот это – да. Быстро! Шутка ли – сто двадцать километров в час. Вот гаишники и всполошились. Так что он, Леонид, сам во всем виноват, сам себе злой Буратино. Хорошо хоть, ушли, иначе... Страшно себе даже представить, что было б «иначе». А так...

– Любый, ты, если можешь, так мысли вслух, – негромко попросила Маша. – Чтoб я все слышала. Может, и подскажу чего, помогу – не дура ведь.

– Вслух? Х-хорошо, – Леонид отозвался несколько растерянно. – Только ты, пожалуйста, не перебивай, если что-то непонятное вдруг услышишь. Я тебе потом объясню, да?

– Хорошо, – согласно кивнув, юная красавица погладила мужа по волосам и тут же показала рукой на маячивший в отдалении трактор: – Этот самоходный амбар, я так понимаю, поле пашет?

– Ну да, так и есть.

– И много здесь амбаров таких?

– Много, Машенька, много, – Арцыбашев порывисто поцеловал жену в губы и с жаром продолжил: – Ты даже себе не представляешь, как всего много! И амбары, и повозки, и... даже железные птицы, что возят людей... и Интернет, и...

– Что-что?

– Интернет тебе точно понравится! За уши потом не оттащишь. Главное, там и образования-то никакого не надо... одни навыки. В общем, для шестнадцатого века – в самый раз.

– Загадками говоришь, – усмехнулась княжна. – Давай-ка, супруг мой, думать уже! Как ты говоришь, планы строить.

– Хорошо... Только договорились – вопросов раньше времени не задавай!

– Договорились, сказала уж.

– Ну, тогда начнем... – Ливонский король задумчиво посмотрел в небо, на тающий реверсивный след реактивного лайнера и, шмыгнув носом, продолжил... вернее, приступил к делу: – Итак, нам надо добраться в Москву – у меня там квартира съемная, связи... в общем, жизнь.

– Как – в Москву?! К Ивану?!

– Ты же обещала не перебивать, милая! – качнув головой, Магнус грозно взглянул на супругу.

– Все, все, поняла – молчу, – поспешно закивала та. – Ты продолжай, любый.

– Если не в Москву, тогда – в Лихвинск, в старый дом. Да, для начала там, наверное, и лучше будет. Адаптируешься, а потом... Адаптироваться – это значит приспособиться, понять все.

– Ага, – благодарно кивнула Марья. – Понятно.

– В общем, там дальше все хорошо, все наладится. Самое главное теперь – добраться. Без разницы, куда – хоть до Москвы, хоть до Лихвинска. А для того деньги нужны. На билеты. Хотя нет – без документов автостопом придется... или на электричках. Но деньги все равно понадобятся – покушать, сменить одежду... а то уж мы как-то вызывающе выглядим. Значит – деньги! «Яву» можно продать или вот... шпагу... кольца...

– У меня тоже перстни есть, – княжна пошевелила пальцами. – Если надо – продадим, чего уж. За один такой перстень покойный батюшка две деревни отдал!

– Ну, за две деревни, положим, не продадим, – продолжал рассуждать Магнус. – Но кое-что даже на местном рынке или у ларечников выручим. На дорогу хватит. Эх, одежонку бы сперва! Хоть какую.

– Тебе наша одежда не нравится, любый? – Маша обидчиво сверкнула глазами. – Ну, уж извини, не сообразила немецкое платье надеть.

– Нет, твоя-то одежка вполне. Так, самую малость поправить... А ну-ка, встань!

Окинув быстрым взглядом Машин сарафан, Арцыбашев вскочил на ноги и вытащил из-за пояса нож. Присмотрелся, примерился... и тотчас оттяпал рукава рубахи, а за ним – и подол сарафана, обнажив ноги супружницы куда как выше колен.

– Эй, эй! – запоздало запротестовала та. – Ты что это делаешь-то? Это что, я теперь так и должна ходить – голой? Срам! Прости, Господи, срам-то какой!

– Красавица ты у меня, – с удовольствием оглядев жену, улыбнулся Магнус. – Точно – с обложки журнала.

– Я... я никуда так не пойду! – княжна густо покраснела, словно ее только что уличили в каком-то уж совершенно отвратительном действе, и вновь уселась в траву, обиженно обняв руками колени.

– Нет, в самом деле – красива, не отвести глаз! – присев рядом, Арцыбашев обнял жену и крепко поцеловал в губы. – Не оторваться! Ну-ну, что ты? Ты веришь ли мне, любезная Марья Владимировна?

– Верю... – одними губами прошептала Маша. – Верю.

– Тогда делай, что я скажу. Пойми – здесь все так ходят. И тебе нечего, абсолютно нечего стесняться. Пожалуй, даже наоборот. Ну, что сидишь? Пойдем... Стоп! Сначала мотоцикл спрячем. Помоги-ка во-он в те кусты откатить...

– Кого спрячем?

– Ну, коня нашего... Чешскую хромированную лошадку. Да и шпагу, кстати, там же оставим... Чтоб народ лишний раз не смущать.

Замаскировав мотоцикл ветками, молодой человек вытащил из замка зажигания ключи и засунул его под отслаивающуюся кору приметной кривоватой березки.

Юная королева смотрелась очень изящно и вполне сексуально: синий, с серебряными пуговицами, сарафан с обрезанным выше колен подолом открывал точеные ножки, облаченные в красного сафьяна сапожки с затейливой вышивкой бисером. На руках сверкали самоцветьем браслеты, на пальцах – кольца и перстни. Гламурнее некуда!

– Любый, а мы куда идем-то?

Догнав ушедшего вперед мужа, Маша взяла его за руку – так они и пошли дальше, прямо по лугу, к видневшемуся невдалеке, меж полей, шоссе, выведившему к небольшому поселку. По шоссе то и дело проносились машины, а по полю ездил синий трактор с телегой, и двигавшиеся позади дети высыпали в телегу картошку из деревянных ящичков. Картошку собирали тут же, на поле.

– Ну, надо же! – повернув голову, изумился Ленья. – Я-то думал, уже давно такого нет. Ан есть, оказывается.

– Что, милый?

– Говорю, школьников на картошку отправили. И...

Он вдруг оборвал речь на полуслове – мимо, прямо по полю, прогрохотал грузовик – старый ГАЗ с кабиной защитного цвета и повешенным прямо на борт кумачовым лозунгом – «XXIV съезду КПСС – достойную встречу!».

– Не, ну и приколисты здесь... однако.

Водитель – чубатый парень в серой, блинчиком, кепке – неожиданно затормозил и, распахнув дверь, высунулся из кабины:

– Эй, вы шефы, что ли? До поселка подкинуть?

– До поселка...

– Давайте в кабину.

Арцыбашев забрался первым, а затем уже протянул руку супруге. А вдруг да водила заведет разговор с княжной? А ведь обязательно заведет. И что та будет отвечать?

– Чувиха – класс! – врубив передачу, шепнул шофер Лене. – Я ее как-то в клубе на танцах видел уже. Не замужем?

– Это моя жена.

– Ну... извини, братан, если обидел.

Насвистывая какой-то непонятный мотив, водитель выбрался на шоссе и погнал машину к поселку, дома которого – в большинстве своем двухэтажные деревянные бараки – виднелись впереди, за деревьями.

На обочине, сразу за поворотом к поселку, стоял желтый полицейский «газик», в просторечии именуемый «канарейкой». Немного странный, старый – с острым «носом» и выступающими крыльями, автомобиль чем-то напомнил Леониду джип времен Второй мировой войны.

Сюда, в глушь, как видно, цивилизация еще не добралась, по крайней мере, если судить по внешнему виду «господ полицейских», щеголявших в обычных «кабинетных» мундирах. Впрочем, может быть, здесь так принято – в полицейской форме Арцыбашев разбирался как-то не очень, да и некогда было разглядывать.

Один из полицейских – высокий блондин с погонами старшего лейтенанта – тормознул грузовик без всякой «палочки», просто жестом. Водитель с готовностью остановился и, распахнув дверь, приветствовал стража порядка вполне по-свойски:

– Здорово, Серега! Что, ловите опять кого?

– «Яву» корыгинскую помнишь?

– Ну!

– Нашлась! Двое на ней были... бежали. А мотоцикл невдалеке, в кустах, бросили. Это с тобой кто – шефы, что ли?

– Они.

– То-то я смотрю – девка такая... глазастенькая. Ладно, проезжай. Чужих в поселке увидишь – скажи.

На не очень понятное слово «шефы» Арцыбашев опять не обратил внимания. Волновался. Слава богу – зря. Полицейский добродушно отпустил грузовик, теперь уже высадивший пассажиров в самом поселке.

– А что за «Ява»-то? – полюбопытничал Леонид.

– Да мужик у нас тут весной пропал. Корыгин, дачник. Мотоцикл у него был, приметная такая «Ява», красная. Вот вместе с мотоциклом и сгинул... Ну, бывайте, – чубатый махнул рукой. – В клубе, может, вечером встретимся.

– Нам бы на рынок, – выбираясь из кабины, вдруг вспомнил Леонид. – Где у вас рынок-то?

– Так у автостанции, – водила удивленно повел плечом. – Только он завтра работает. Завтра ж – суббота! Ой! А вид-то у тебя чудной...

– Так – самодеятельность! Гамлета играю, принца.

Завтра...

Поблагодарив шофера, царственные молодожены быстренько огляделись вокруг и присели на скамеечку под высокой ветвистой ивой, что росла здесь же, недалеко от деревянной почты и приземистого кирпичного здания с вывеской «Раймаг». Туда, подумав, и направился Арцыбашев, оставив Машу дожидаться его на скамейке.

Как и в любом уважающем себя сельском магазине, в «Раймаге» продавалось все! Начиная от носовых платков и заканчивая мопедом «Рига», сиротливо приткнувшимся в углу рядом с деревянной радиолой и двумя телевизорами «Рекорд» на смешных ножках. Ну, ретро! Антикварная лавка, что ли?

Впрочем, раздумывать было некогда. Антиквариат – это еще и лучше! Кроме самого Леонида-Магнуса и скучавших за прилавком продавщиц в «Раймаге» еще наблюдалось в полдесятка посетителей, не столько покупавших, сколько разглядывающих всякого рода промтовары, выставленные на длинных полках. Улучив момент, Арцыбашев быстро подошел к продавщицам и с ходу предложил перстень:

– Отдаю за бесценку! Фамильный. Просто деньги нужны. Очень.

– Вы что... артист, что ли? – продавщицы удивленно переглянулись.

Несколько подзабывший про свой костюм идалго, Арцыбашев самым любезнейшим образом улыбнулся и, махнув рукою, скромно признался:

– Ну да, артист. А что, не похож?

– Что вы! Очень похожи! – хором воскликнули продавщицы.

Восхитились и тут же принялись наперебой выпрашивать про какую-то филармонию и про других артистов – про Смоктуновского, Тихонова и прочих.

– А говорят, про Штирлица продолжение собираются снимать, вы не в курсе?

– Как же, в курсе! – Арцыбашев вовсе не стал разочаровывать собеседниц, весьма, кстати, юных и вполне себе симпатичненьких. – Собираются... буквально уже в этом году. Мне уже роль предложили... этого... Бормана!

– Ой! А Бормана же Визбор играл! Ну, этот... про лыжи еще поет и про солнышко лесное.

Надо же – Штирлиц, Визбор! Вспомнили, блин...

– Играл, играл... да отказался, – пошутил Леонид. – Песни, мол, писать новые надо, и все такое. Ефремов – тоже. Он-то меня режиссеру и предложил.

– Ого! Вы и Ефремова знаете?!

– И не только его... А что с перстнем-то, девушки? Берете, нет? Чистое золото – не пожалеете.

Продавщицы застеснялись:

– Ой... с рук как-то... Мы же не спекулянтки какие!

В этот момент, громко хлопнув дверью, в магазин ворвался мальчишка в клетчатой рубашке, обвислых на коленках трениках и кедах. Растрепанный, растрепанный, дерганый... Кинулся сразу к продавщицам:

– Теть Лена, звони скорей в милицию. Там, в сквере, драка. Девчонку какую-то бьют!

Забыв про перстень, Магнус выскочил из магазина быстрее ветра. Девчонку бьют?! В сквере?

Бегом миновав неширокую площадь, молодой человек бросился к иве, еще издали заметив обступивших вскочившую со скамейки Машу парней, судя по внешнему виду – местных гопников. Плоские, как блин, кепки, патлы нечесанные до плеч, брюки-клевш... Трое. Точнее, уже двое, третий, схватившись за живот, с воем катался по траве рядом. Ага, досталось! И поделом!

– Эй, вы!

Подбежав ближе, Магнус с яростью выхватил кинжал... Гопники оглянулись.

– Серый, у него финка! Атас!

Тот, кто это выкрикнул, на секунду отвлекся – и тут же получил от Маши палкой по плечу! Завыл, заматерился... и опрометью бросился прочь! За ним последовал его сотоварищ. Третьего же оболтусы благополучно бросили. Впрочем, и тот уже поднялся да со всей поспешностью захромал в кусты... тем более что где-то недалеко уже раздался звук полицейской сирены, и на площади у магазина, вынырнув из какого-то переулка, уже нарисовался желтый «луноход» стражей порядка.

– Бежим! – схватив княжну за руку, крикнул Леонид. – Скорее! Да брось ты палку уже...

– Стрельцы?! – Маша сверкнула глазами. – Опричники?

– Они, они... Быстрее!

Супруги пронеслись сквозь сквер, словно вихрь, и, с ходу перемахнув через невысокий забор, оказались в каком-то тенистом и тихом проулке. Гопников нигде видно не было, а вот позади, совсем рядом, послышалась заливиная трель свистка.

– Огороды! – осмотревшись, Леонид вновь схватил княжну за руку. – Там, меж грядками, спрячемся...

Слава богу, жердяная изгородь не представляла для беглецов непреодолимой преграды. Разве что крапива. Но и эти обжигающе-колючие заросли Маша особым вниманием не удостоила. Несмотря на голые ноги. Ну, обожглась, конечно. И что?

– Ложись!

Завидев показавшиеся над изгородью фуражки, беглецы разом бросились между грядками и затаились, не обращая внимания на грязь.

– Тут они где-то были, товарищ старший лейтенант. Наверное, к старому клубу свернули. Свидетели говорят, у мужика – нож!

– Ладно, пойдем-ка, глянем... Эх, собаку бы!

Голоса стражей порядка затихли где-то за деревьями. Выждав еще немного, беглецы поднялись на ноги и, глянув друг на друга, обескураженно расхохотались. Разом!

– Ну и видок у нас! – Арцыбашев покачал головой. – Как чушки уделались. Переодеться бы, умыться... Смотри-ка, кажется, здесь дача чья-то. Глянем?

– Угу.

Небольшой дощатый домик с верандой оказался запертым. На двери висел небольшой замок, в дужку которого была вставлена свернутая в трубочку записка.

– «Буду в понедельник, – развернув, прочитал Леонид. – Женя, полей цветы». В понедельник... А что, может, отдохнем немного, а? А то мне эта беготня что-то надоела.

– Залезть в чужой дом? – княжна явно засомневалась. – Так только тати делают.

– Так мы ж не корысти ради... А чтоб не пропасть! Тем более – расплатимся, какой-нибудь перстень на видном месте оставим.

– А если посадские явятся? Что скажем?

– Да не явятся, – отмахнулся молодой человек. – Сама ж слышала – они в понедельник только будут. Разве некий Женя зайдет – цветы полить. Ну, так мы услышим.

Уговорил. Ну, а что еще оставалось делать-то? Шататься грязными по поселку, рискуя в любой момент нарваться на полицейских?

Пошарив под притолочиной, Арцыбашев, как и ожидал, обнаружил там ключ и, отперев замок, галантно распахнул дверь:

– Прошу вас, моя княжна!

– Дверь-то запахни поплотнее...

Внутри неожиданно оказалось просторно и даже как-то уютно. Большие, наполовину задернутые занавесками и тюлем, окна, круглый стол, диван, несколько стульев, полки с книгами, старинная радиолка в углу – на ножках, в полированном деревянном корпусе.

– А вот и умывальник! – радостно сообщил Леонид. – И вода в ведрах есть... Там, с этими-то паскудниками, как вышло?

– Так я ж тебе говорила – в такой срамной юбке на людях показываться нельзя! – подойдя к умывальнику, Маша принялась смывать грязь с коленок. – Сидела я, по сторонам глядела – чудно! Девы с колясками чудными гуляют – а в колясках тех младенцы! Как в колыбели! Ну, не чудо ли? А эти, шильники, неведомо откуда взялись – не увидела. Двое сели по бокам, давай, мол, знакомиться... Один мне на колено руку положил. Это мне-то, княжне?! Королеве ливонской! Совсем страх потеряли, холопы рыла! Давненько плетей не нюхали! Пришлось проучить... Одного – в скулу локтем ударила, второго – в горло, третьего – в пах. Тут и палка подходящая рядом нашлась... Коли б ты, любый, не помешал, уделала бы шильников так, что родные мать с отцом не узнали б! Я ж могу... Меня князь Иван, воевода, учил...

– Ты у меня вообще – храбрая. Давай, сарафан-то грязный снимай-ка...

Леонид помог своей юной супруге снять грязный сарафан, а за ним – и рубашку. Бросив одежду на кресло, невольно застыл, любуясь прекрасным телом. Застыл на какую-то секунду и почти сразу же, порывисто обняв женщину, притянул к себе, погладил пальцами грудь, поласкал спинку, целуя в пухлые губки с жаром, пылом и страстью.

Маша поддалась с готовностью, без всякого своего обычного стеснения: ведь молодые уже были венчанные муж и жена, и то, что сейчас происходило меж ними, вовсе не считалось грехом, наоборот...

Молодожены упали на диван, сливаясь в едином экстазе накатившей любви. Какое-то время были слышны лишь вздохи да гулкое, словно полковые барабаны, биенье сердец. А вот уже юная княжна запрокинула голову и, прикрыв пушистыми ресницами глаза, выгнулась, застонала...

Стройненькая, с упругой грудью и плоским животиком, с точеным личиком и синим взором больших сверкающих глаз, Марья Владимировна Старицкая выглядела изумительной красавицей. Изысканно обнаженная, томная, зовущая нимфа с искрящимся васильковой синевой взором...

– Ах, милая...

Едва переведя дух, Арцыбашев накрыл губами розовый твердый сосок. Поласкал языком, погладил рукою, млея от теплой шелковистости кожи, от восхищенного осознания того, что эта нагая богиня – его! Его супруга, молодая жена, его Марьюшка, Маша... Мать будущих детей, для счастья которой Леонид был готов сделать все.

– Надо сарафан постирать, – княжна ласково погладила мужа по голове и осмотрелась. – Ага, вот и таз... Что смотришь? Думаешь, раз княжна, так и стирать не умею?

– Ничего я такого не думаю. Вот истинный крест!

Магнус сконфуженно потупился: действительно, при виде обнаженной юной красавицы думалось совсем о другом. Вовсе не о стирке.

– Отвернись, – неожиданно покраснела девушка. – Я еще не привыкла.

Вскочив, она сняла с кресла рубашку, натянула, взялась за сарафан...

Обмотав вокруг пояса покрывало, Леонид схватил ее за руку:

– Брось ты эту грязь. Лучше здесь одежду поищем.

– Чужую?! – княжна оскорбленно сверкнула глазами. – Которую бог знает кто носил?

– Все же лучше, чем грязь, – шаря в старом шкафу, хмыкнул король. – И, главное, не так вызывающе. Ого! На-ко вот, примерь.

Он протянул молодой жене платье – обычное, сатиновое, синее в белый горошек.

Княжна возмущенно отвернулась, даже не посмотрев, и Леонид задумчиво покусал губу. С этим ее отношением нужно было что-то делать. В конце концов, может, и правда, оставить обрезанный сарафан? А что? Смотрится вполне по-современному и весьма сексуально.

– Ой! Тут какие-то книжицы! – Маша взяла с тумбочки кипу старых журналов, раскрыла один, принялась рассматривать, заинтересованно накручивая локон на большой палец. – Какие тут... боярышни! Вот в летнике... вот в сарафане... А вот, прости господи, в портах! Как турчанка. Ого! А тут и вообще срам – почти что нагие, только веревочками какими-то прикрыты.

– Это бикини называется, – скосив глаза, пояснил Арцыбашев. – Купальник такой. Чего ты там смотришь-то?

Подойдя ближе, молодой человек взял из стопки журнал – «Бурда моден» за 1973 год, майский номер. Еще были «Советский экран» и «Мода социалистических стран» – все тоже начала семидесятых. Ну, правильно – что еще можно найти на старой даче?

Кроме так не понравившегося княжне платья, в шкафу оказалась вполне добротная куртка, пара клетчатых мужских рубах – так называемых ковбоек, старый кримпленовый костюм ужасного темно-коричневого цвета и женские брюки-клевш из плотной, похожей на джинсу, ткани.

После просмотра журналов, брюки эти неожиданно привлекли Машино внимание. Девушка даже примерила их, натянула – оказались впору, только заметно коротковаты, но с замшевыми сапожками – в самый раз.

Арцыбашев тряхнул головой и одобрительно улыбнулся:

– Ты еще рубашку какую-нибудь примерь, или блузку, а я пока на кухне пошарюсь, чего-нибудь съестного поищу.

На маленькой – метра два на три – кухоньке кроме печи еще имелись старинный буфет, три табуретки и стол, накрытый старой газетой. С первой страницы браво улыбался бровастый Леонид Ильич. «Правда» за девятое сентября тысяча девятьсот семьдесят третьего года. Надо же – и не пожелтела ничуть!

В буфете, кроме алюминиевых вилок-ложек и прочей посуды, оказались закрутки со всякими соленьями (как видно, недавними) и пара жестяных банок свиной тушенки, кои молодой человек тут же переставил на стол.

На верхней полке буфета краснело пластмассовыми боками старое проводное радиорепродуктор. Леонид машинально покрутил ручку звука – больше там крутить было нечего. В репродукторе вдруг заиграла музыка, и приглушенный мужской голос сказал:

– Здравствуйте, товарищи! Начинаем концерт по заявкам. К нам пришло письмо от работницы фабрики «Большевичка» Ирины Андреевны Ивановой с просьбой передать для ее подруги, знатной станочницы Антонины Тимофеевны Лесниковой, хорошую песню! Что ж, уважаемая Антонина Тимофеевна, принимайте музыкальный подарок. Для вас поет Геннадий Белов!

– Травы, травы, травы не успели, от росы серебряной согреться... – затянул хорошо поставленный баритон.

– Любый... – на кухню вдруг заглянула Маша, окидывая обстановку удивленным взглядом.
– А с кем это ты тут разговариваешь?

– Так... сам с собой...

– А поет кто?

– Это по радио...

– По ра-дио....

– Ого! Да ты у меня самая модная, Машенька!

Честно сказать, Арцыбашев не поверил своим глазам. Вместо средневековой боярышни перед ним стояла вполне современная молодая девчонка – студентка или еще кто: в синих брюках-клеш и просторной, с подкатанными рукавами, рубашке в крупную черно-желтую клетку. Темно-русые волнистые волосы водопадом рассыпались по плечам.

– Вот это да! А тебе идет, очень!

Уже успевший облачиться в темно-коричневый – чуть мешковатый – костюм, Леонид подхватил супружницу на руки, закружил. Маша весело засмеялась:

– Я в тех книжицах видела. Женщины и девы вот так вот одеты. И на улице – тоже.

– Ты ж моя красавица!

Они тут же, на кухне, и пообедали, усевшись за покрытый газетой стол. Поели с большим аппетитом, умяв две банки тушенки и по паре маринованных огурцов.

– Ум-м, вкусно! – вытирая губы висевшим на гвозде полотенцем, покивала княжна. – А с хозяевами мы расплатимся. Я им вот это колечко оставлю.

Девушка обвела интерьер глазами и неожиданно вздохнула:

– Видать, небогатые люди в избенке сей тесной живут. Ничо! На кольцо корову себе купят. Или бычка. Лишь бы боярин местный не обидел. Ну, да с боярином мы разберемся, ага?

– Угу, – машинально кивнув, Леонид подошел к репродуктору и прибавил звук. Концерт уже кончился, передавали новости. Диктор с волнением рассказывал о перевороте в Чили. О диктаторе Аугусто Пиночете, о свержении и смерти президента Альенде... Рассказывал так, словно бы все это произошло буквально на днях, только что, а не в далеком семьдесят третьем году.

В семьдесят третьем...

– Сегодня, пятнадцатого сентября тысяча девятьсот семьдесят третьего года... – неожиданно услышал Арцыбашев. – Передаем сигналы точного времени. В Москве пятнадцать часов... в Ашхабаде – семнадцать... в Караганде – восемнадцать... В Петропавловске-Камчатском – полночь.

Тысяча девятьсот семьдесят третий!

Страшная догадка вдруг окутала сознание Леонида. Ну конечно – семьдесят третий! Отсюда, вернее оттуда все это ретро, антиквариат – автомобили, магазин «Райпо», вот эта дача. Та-ак...

Разузнать бы теперь поточнее. Хотя уж куда точней – радио. Но это может быть и прикол. Поговорить бы с кем, спросить бы... Черт, еще и милиции опасаться надо! Теперь уж точно – надо... коли время – не свое. Эх, жаль, в доме телевизора нет. А на улицу выходить опасно – милиция! Лучше уж здесь переждать, коли все так случилось.

– Любый, что с тобой? И объясни мне, наконец, кто здесь говорил-то?

– Конечно, объясню, милая. Только кто-то обещал ничему не удивляться.

Услышав рядом, на улице, чьи-то громкие голоса, Арцыбашев подскочил к окну, осторожно отдернул занавеску и увидел идущих за забором детей, двух мальчишек и девочку. Мальчишки – в смешных серых пиджачках, девочка – в коричневом, с черным передником, платице. У всех троих в руках портфели, а на груди – алые пионерские галстуки! И разговоры – вполне соответствующие. Чуть приоткрыв форточку, молодой человек прислушался.

– А я ему – раз! А он мне... А я – как Герд Мюллер! Прямо в ворота.

– Врешь ты все, Вовка. Лишь бы на политинформацию не ходить. Это в такое-то время! Когда в Чили – фашисты!

– Зато я металлолома больше всех сдам! И макулатуры. Честное пионерское, вот увидите!

Дети скрылись из виду, голоса их затихли, и Леонид в задумчивости уселся на табуретку. Покусал губу, покрутил в руках вилку и тут же встал, взял супругу за руку. Первым порывом его было – уйти. Немедленно уйти, затеряться... Но вот куда уйти и зачем? Здесь, хотя бы на время, было вполне безопасно. Просто отдохнуть до утра, подумать.

– Пойдем-ка, приляжем, милая... – ласково поцеловав жену, улыбнулся Магнус. – Вижу ведь – устала.

– Да уж, немножко подремала бы, – Маша совсем по-домашнему потянулась. – А то вся эта беготня, суета... Хорошо хоть – с тобой, любый.

Маша улеглась на кушетке, вытянув босые ноги. Леонид, не раздеваясь, прилег рядом, накрыл жену покрывалом, погладил по волосам и, чмокнув в нос, ласково шепнул:

– Спи.

Синие очи княжны смежились, дыхание быстро стало ровным, едва заметным. И в самом деле – умаялась. С нежностью посмотрев на супругу, Арцыбашев задумчиво почесал затылок, прикидывая, что теперь делать. С одной стороны, тысяча девятьсот семьдесят третий год – это, конечно, хорошо. Не средневековье какое-нибудь, вполне современная цивилизация. Автомобили, кино, телевизоры. Персональных компьютеров, правда, нет, как и Интернета. Ну, да ничего, и без этой байды-лабуды прожить можно. Тем более, с такой-то красавицей супругой. Главное – легализоваться. Затеряться в каком-нибудь большом городе, в Москве или в Санкт-Петербурге... тьфу – в Ленинграде, конечно же, Санкт-Петербург в семьдесят третьем году еще Ленинградом именовался. Затеряться, документы выправить – да жить-поживать, добра наживать. Худо ли? Тем более – с Машей!

Вроде бы и неплохо, несмотря на все возможные в СССР препоны. В принципе – преодолимые, с таким-то богатством: перстнями, кольцами, шпагой. Шпагу, кстати, надо будет от «Явы» прибрать, принести... Перстни на рынке продать, да сваливать уже отсюда. С большими деньгами везде хорошо, даже в СССР эпохи Леонида Ильича Брежнева.

Так-то оно так, и Арцыбашев рассуждал сейчас вполне правильно, то есть ему казалось, что правильно. Но тем не менее все равно как-то не так. Какой-то неприятной казалась Магнусу-Леониду вся эта правильность, какой-то... немножко гнусной, что ли. И гнусности той имелись две причины. Первая – Маша. Привыкнет ли? Сможет ли? Это здесь, в деревне, вроде бы ничего – а в городе? Да и здоровье – у советских-то людей прививки от всяких болезней еще в детстве сделаны, а у Маши – нет. Да еще экология... Впрочем, княжна Старицкая – девушка на удивление неизбалованная, скорее наоборот. Иметь такого недруга, как сам Иван Грозный! По сравнению с этим тираном, конечно, вся советская милиция отдыхает вместе с КГБ! Просто осторожнее надо быть, внимательнее. Да и насчет здоровья – Маша все ж молодая еще. Организм крепкий, с любой болезнью справится. Так что по поводу юной супруги впадать в панику незачем.

Однако имелся еще второй вопрос – Ливония. Леонид-Магнус был все же ливонский король, на которого надеялись, которому верили, видя в нем защиту от поляков, шведов... и от Ивана Грозного. Зря, что ли, он, Магнус Первый, собирал королевство, людей, вел всякие дела с царем Иваном? И что теперь? Куда всех и куда все? Прахом пойдет? Жаль. Нехорошо это как-то. Нечестно. Вроде как бы пообещал людям, а потом кинул.

Рассуждая с самим собой, Арцыбашев вдруг пришел к не столь уж и неожиданному выводу, что в жизни очень важна цель. И цель не обывательская – побольше денег да баракла, чтоб соседи завидовали – а совершенно иная. Просто «жить, как все» Магнуса теперь не устраивало. Там, в Ливонии – ему верили, ждали. Там он – король! Там же, в шестнадцатом веке, родилась Маша. Что она будет делать здесь, веке в двадцатом? «Просто жить»? Получится ли у нее, выйдет ли? Она ж все-таки княжна, принцесса... королева уже! Облеченное немаленькой властью лицо. Да, да, именно так – властью! И эту власть надо вновь обрести и использовать во благо. Не в собственное, маленькое обывательски-личное и никчемное, по большому-то счету, благо, а во благо народное! Ибо монарх – не какой-нибудь там денежный мешок, а помазанник Божий! Тот, кто обязан...

Сии неожиданно пришедшие в голову мысли Леонид поначалу пытался прогнать. Да вот только они не прогонялись никак, а все лезли и лезли в голову, отвлекая, казалось бы, от главного – как вот здесь, в тысяча девятьсот семьдесят третьем году, акклиматизироваться, приспособиться, выжить...

– Что, уже выпалась, милая? – заметив на себе внимательный синий взгляд, с улыбкой поинтересовался Магнус.

– Выпалась, – княжна сбросила покрывало и, потянувшись, крепко прижалась к мужу. – Вижу, ты все в думах. О чем печалишься?

Молодой человек вздрогнул:

– С чего ты взяла, что печалюсь?

– Вижу, – Маша смотрела на супруга внимательно и дерзко, словно бы видела его насквозь. – Мыслишь, как дальше жить будем?

– Мыслю, – кивнул король.

Княжна неожиданно хмыкнула:

– А зачем? Мы ж с тобой, чай, не шильники и не бояре даже – князья! Ты – король, я – королева!

Ах, как она это сказала, как произнесла! Какой гордой синевою сверкнули глаза, какой царственной тут же стала осанка. Да уж, сразу видать – королева! Несмотря на старую рубаху и брюки-клеш.

– Мы жить должны во благо королевства нашего, – между тем продолжала княжна. – И думать по-другому не можем. Да и незачем. Ибо все и так ясно. Людишки подлые – купчишки да всякая чернь – живут для брюха своего, для мамы. Святые отцы – для Господа. Бояре и люди воинские – для защиты царств своих. Тако и мы, о супруг мой, и должны, и будем.

Здесь немного пересидим, в Ливонию поедем, а уж там... А уж там посмотрим, дружить ли с Иваном дале, аль погодить. Он же, кровопивец, злое на нас умыслил. Думает, управы на него нет. Ан есть! Людей русских много есть недовольных. И новгородцы, что в живых остались, и псковичи, да все почти. Все те, кому в страхе жить опротивело, те, кто душою не раб! Таких мы у себя в Ливонии привечать будем. Нарву себе заберем, Ивангород... А потом, бог даст, и Псков. Войско из вольных-то людей, не из холопей – сильное, доблестное, еще посмотрим, кто кому вассал. Мы – Ивану, или Иван нам! Флот заведем, аглицких моряков к себе на службу приманим, а потом и своих. Науку перейдем! Древний Новгород восстановим, а для торговли у нас место хорошее. Что же об Иване сказать? Так и у меня – а через меня у тебя – на трон державы российской ничуть не меньше прав! Чай, князя Старицкие – тоже Рюриковичи! Тот Иоанн род наш извел. Ничего... отольются ему все наши слезы и горести.

Княжна вскочила уже на кушетку, горделиво выставив правую ногу. Щеки ее зарумянились, глаза пылали истинно царственным огнем. Это был взор принцессы крови, чьи предки привыкли повелевать!

Арцыбашев потупился: все это – по поводу народного блага и защиты государства – именно он должен был произнести, а вовсе не Маша, хоть и княжна, и королева, но все же особа еще достаточно юная, в жизненных передрягах неопытная. Хотя как сказать...

– Ты не сомневайся, супруг мой, – княжна истолковала молчание мужа по-своему. – Я тебе во всем помогать буду. Не смотри, что млада, я ж не дура! Аристотеля читала, Платона, римлян языческих, древних. Еще Августина Блаженного и Святых отцов. Макиавелли почти наизусть знаю. Прочешь?

– Не, не, не надо, – замахал руками Леонид. – Значит, говоришь, в Ливонию надо пробираться?

– Туда. Куда же еще? Там теперь – наше все... И трон, и люди. Держава!

В этот момент в сенях, а точнее на веранде что-то стукнуло. Слово бы кто-то, осторожно пробираясь, запнулся... или что-то уронил. Там много на лавке стояло всяких кастрюль да банок...

– Тсс! – встревоженно вскочив с кушетки, Арцыбашев приложил палец к губам и шепотом спросил: – Слышала?

– Что? – так же шепотом отозвалась Маша.

– Вроде как там ходит кто-то? – молодой человек кивнул на дверь и, нервно потерев бородку, бросился к окну... и отпрянул!

С улицы, через стекло, на него смотрел бравый усатый молодец в мышинового цвета форме с погонами младшего сержанта милиции.

– Товарищ старший лейтенант! – увидев удивленное лицо Арцыбашева, сержант проворно выхватил из кобуры пистолет и передернул затвор. – Стой! Стрелять буду.

– Стоять! – распахнув хилую дверь ударом ноги, в комнату ворвался старлей, и за ним старшина. Оба – в испачканных грязью сапогах, в форме.

– А ну – руки в гору! Руки вверх, я сказал! Теперь повернулись... Старшина!

На запястьях обоих беглецов защелкнулись наручники.

– Куда их, товарищ старший лейтенант? В мотоцикл? – вбежал с улицы младший сержант. Старлей задумчиво скривился и поправил на голове фуражку:

– Там, на углу, автомат. Вызывай машину. А мы тут пока поговорим... Опросим... Может, и по горячим следам все раскроем. А, старшина?

– Конечно, раскроем, товарищ старший лейтенант! – старшина выпятил узкую, затянутую кителем, грудь и неожиданно ухмыльнулся. – А не будут говорить, Игорь, так их... сам знаешь, как можно.

– Да заговорят, – махнул рукой офицер. – Куда они на хрен денутся-то? Оп-па!

Заглянув в шкаф, милиционер вытащил оттуда испанский камзол Магнуса и глянул на задержанных с каким-то недобрым прищуром:

– Федотыч, не этих ли на краденой «Яве» видели? Один «артист», вторая – с коленками голыми, в сарафане. Кстати, вот и сарафанчик!

– Думаю, они и есть, товарищ старший лейтенант, – подчеркнуто официально согласился старшина. – Этак и убийство Коририна раскроем, чем черт не шутит? Кстати, они и напротив раймага драку затеяли. Вот ведь парочка-то, а!

– Ну, что ж, тогда сами и первый опрос проведем.

Потерев руки, старлей положил на стол полевую сумку и, достав из нее бланки и ручку, спросил, в каких отношениях «молодые люди» находились с гражданином Коригиным М.С.

– Да ни в каких отношениях, – повел плечом Леонид. – Первый раз эту фамилию слышим. Милиционер покивал:

– Первый раз, значит? А корыгинская «Ява» у вас откуда? Что-что? Я почему-то так и подумал, что нашли. Итак... Фамилия, имя, отчество! Я вас спрашиваю, девушка!

– Да кто ты такой, смерд поганый, чтобы меня, цареву племянницу, спрашивать?! – Маша вскинулась разъяренной коброй. И в самом деле, предпринимать подобные действия против принцессы крови каким-то там простолюдинам было бы весьма предосудительно. Не по понятиям шестнадцатого века, сказать прямо!

– Руки мне ослобони, живо! Я кому сказала, пес?!

Вскочив с кушетки со связанными за спиной руками, Маша попыталась боднуть сотрудника правоохранительных органов головой, а когда не достала – ударила ногой под коленку.

– Ах ты, зар-раза! – выронив ручку, заверещал старлей. – Старшина, что смотришь? Помогай, давай! Не видишь – рецидивистка?!

Совместными усилиями княжну наконец водворили на место, после чего старший лейтенант, чуток отдышавшись, снова приступил к допросу... вернее, к опросу – именно так квалифицировал происходившее действие уголовный кодекс РСФСР образца одна тысяча девятьсот шестьдесят второго года.

– Фамилия! Имя! Отчество! – рявкнул милиционер. – Будешь запираяться – живо в КПЗ отправлю!

– Старицкая, Мария Владимировна, – княжна горделиво приосанилась. – Великого князя Владимира Андреевича Старицкого дочь! Из рода самого Рюрика, напомню.

– Шиза, что ли? – переглянулись сотрудники органов. – Или издевается?

И, дружно кивнув, решили, что – «издевается».

– Ах ты ж, тля!

Выругались, но тронуть не тронули, побоялись. И впрямь ведь – кто вообще знает, кто эта наглая девка такая и откуда взялась?

Оставив на время Машу, дознаватели принялись за ее царственного супруга:

– А ты, значит, у нас тоже князь?

– Нет, не князь...

– Вот это уже разговор!

– Просто король Ливонии.

Дальше у Леонида спросить ничего не успели. За окнами послышался шум подъехавшего автомобиля, и вбежавший в дом усатый младший сержант радостно сообщил:

– Опергруппа с «Явы» отпечатки снимает... И это... Следователь сказал, чтоб вы задержанных туда привезли.

– Майор юстиции Рашников, Иван Кузьмич, – так представился следователь, лысоватый мужичонка в синем вельветовом пиджаке и при галстукке. Краснобокую «Яву» все так же прикрывали ветки, Рашников же с удивлением вертел в руках шпагу. Знатная была шпага – бое-

вая, тяжелая, с украшенной золотом и драгоценными камнями рукоятью и переливающейся на солнце гардой.

– Ваша? – следователь обернулся к подозреваемым.

Арцыбашев пожал плечами:

– Ну, моя.

– Откуда?

– Оттуда!

Майор хмыкнул и, поиграв желваками, приказал беспрестанно шелкавшему фотоаппаратом молодому парню – технику-криминалисту – быстренько снять опечатки пальцев «у этих двух граждан».

Наручники с задержанных сняли, и Леонид с удовольствием размял затекшие запястья.

– Мотоцикл тоже ваш? – недобро прищурился Рашников. – Где взяли?

– Да нашли в каком-то сарае. Решили вот прокатиться.

– В каком сарае? Где? При каких обстоятельствах? – следователь атаковал вопросами сразу, не давая подозреваемым времени на раздумье.

По светло-голубому высокому небу, не торопясь, плыли белые кучерявые облака, тающие на горизонте. Где-то там, не так уж и далеко, белела на пологом холме церковь. Та самая...

Арцыбашев прищурился, глянув на кривоватую березку, росшую невдалеке от желтого милицейского «Урала». Что ж, раз уж тут все так неудачно сложилось... раз уж всем – и Маше, и ему самому – надо возвращаться в Ливонию, то... Почему бы и нет? День ведь еще не закончился, и портал в церкви должен быть открыт. Даже если и закрыт, попыткой побега они с Машей свое положение вряд ли ухудшат, и без того слишком много «вешают». Угон мотоцикла (хорошо, если не кражу), пьяную драку, незаконное проникновение в жилище и, конечно, пропажу человека... то ли похищение, то ли убийство. Попробуй отмажься теперь! Тем более, без документов... да и вообще... Что следователю-то сказать? Где жил, чем занимался? Даже ему, Леониду, не выкрутиться, а уж о княжне и говорить нечего.

Арцыбашев внимательно осмотрелся – он давно уже приметил оставленный беспечным сержантом ключ, торчавший в замке зажигания желтого милицейского «Урала».

– Сейчас сбежим, – подойдя к супруге, шепнул король. – Как только я заведу вон тот желтый мотоцикл... коня железного... сразу прыгай в коляску. Поняла?

Княжна молча кивнула.

– Давай их в машину, сержант, – махнул рукой следователь. – Все равно сейчас толку не добьешься.

– Руки за спину! – поправив на голове фуражку, строго приказал сержант.

Арцыбашев тут же ударил его кулаком в скулу – изящно и быстро, с разворота! Маша тотчас же отоварила случившегося поблизости криминалиста – пнула ногой в пах с такой силой, что бедняга закричал от боли. Оба тут же бросились к «Уралу»...

Княжна прыгнула в коляску, зарокотал двигатель, и мотоцикл, треща кустами, покати к шоссе.

Все произошло быстро, буквально в секунды, так что никто из милицейских не успел ничего предпринять, да и не ожидал даже подобной наглости! Угнать служебный мотоцикл – это уж совсем на голову от мороженые. Главное – зачем? Далеко не уйти – не понимают, что ли?

Впрочем, беглецам далеко и не надо было. Вырулив на шоссе, Леонид погнал «Урал» со всей возможной для этого типа мотоциклов скоростью. Позади уже нарисовался желто-синий «газик», и Арцыбашев не сомневался, что очень скоро на дороге появится и автомобиль ГАИ... а то и несколько.

Уже на подъезде к Хилову именно так и случилось – выскочившая на перехват гаишная «Волга» подрезала мотоцикл так, что беглецы едва не свалились в кювет. Леонид все же выру-

лил и погнал дальше – за ним, на радость местным зевакам, с воем неслась белая с широкой голубой полосой и мигалками «Волга», а уж за ней поспешал и «газик», метко прозванный в народе «луноходом».

На крыльце у почты трое потасканных мужичков пили разбавленное водкою пиво.

– Банду берут, – со знанием дела промолвил один из них. – Сберкассу вчера ограбили.

– Не, не сберкассу, – возразил другой собутыльник, провожая ревущую кавалькаду ленивым взглядом. – Магазин «Райпо» грабанули. И не вчера – а сегодня утром.

С треском промчавшись мимо почты, Арцыбашев притормозил и повернул к церкви... к бывшей церкви, а ныне – клубу. Или колхозному складу. Нет, судя по афишам кинофильма «Фантомас», все-таки клуб.

С ходу разметав афиши, мотоцикл, словно норовистый конь, взобрался вверх по лестнице к притвору и замер. Соскочив с седла, Леонид протянул руку Маше:

– Бежим, Марьюшка! Скорей!

– Ох, Господи упаси!

Она даже не успела перекреститься, как супруг затащил ее в храм... в фойе, затянутое зеленоватым мерцанием. Позади, в дверях, возникли вдруг две фигуры с пистолетами и в фуражках.

Возникли, зашатались... И вдруг пропали. Изумрудно-зеленое свечение тоже вдруг исчезло – резко, словно и не было.

С минуту прислушиваясь, Арцыбашев обнял супругу:

– Ну, Машенька! Кажись, ушли.

Хлопнув густыми ресницами, юная княжна с облегчением перекрестилась:

– Слава тебе, Господи! Богородице-деве слава!

– Аминь!

Тоже перекрестившись, Леонид обнял жену и крепко поцеловал в губы... целовал долго-долго, не отпуская, пока где-то за спиной, совсем рядом, вдруг не послышался крик:

– Ага, вот они где, голубчики! Милуются, глянь. Эй, стрельцы-молодцы! А ну-ка, взять их!

Глава 2

Узники

Осень 1573 г. Великий Новгород

Что-то капнуло. Откуда-то сверху – с низкого потолка, с притолочины, не суть – упала прямо на лоб Леониду крупная тяжелая капля. Молодой человек pokrивился и, распахнув глаза, поднялся с узкой деревянной лавки да, лязгая стягивавшими руки цепями, подошел к малюсенькому – под самым потолком – оконцу, забранному частой решеткой. Встал, опустил руки, прислушался.

Кругом стояла мертвая тишь, как и положено ночью. Лишь слышно было, как перекалились караульные стрельцы на башнях, протяжно этак, с вальяжностью, будто показывая – мы, служилые люди московские, нынче на Новгородской земле все можем!

– Росто-о-в!

– Каза-а-ань!

– Астраха-ань!

Узник повел плечом – все же холодновато было в подвале, промозгло, особенно вот – по ночам. Да и днём солнышко осеннее не очень-то пригревало. Хотя днем, конечно же, веселее: дьячки приказные, судейские, монахи-схимники, стрельцы да и простой люд, туда-сюда по двору шатаются, меж собой переговариваются – интересно! Кто за жизнь треплется, кто ругается, а кто и – с опаскою – о ливонском мятежном государе слово-другое молвит. И не всегда слово то – мерзкое. Большинство осуждает, конечно – как же, против самого государя Иоанна Васильевича, стервец, пошел! Однако иные и сочувствуют, и таких здесь, в Новгороде, много. Особенно – после недавнего погрома, что учинил царь Иван! Выдумав неведомую крамолу, разграбил собственный город, убил людей... Зачем, спрашивается? Вольности старые искоренял? Да кому тут их помнить-то – дворянам московским, потомкам тех служилых людей, сто лет назад дедом нынешнего государя, Иваном Васильевичем Третьим, на новгородские земли испомещенных? Все старые-то фамилии – боярские, посадничьи, купеческие – выселены либо казнены были. Вполне лоялен был Новгород к концу шестнадцатого века – вполне себе тихий московский городок, без всякой приставки «Великий». И вот – на тебе! Погром! Да такой, что кровушка алая людская – рекою. Младенцев в проруби кидали – уж они-то Ивану Васильевичу самые первые враги! Что ж, наверное, с точки зрения государя московского, все справедливо, все правильно. Пусть и не было крамол, так ведь могла ж быть! И что, кое-кто из мужиков новгородских о былом величии державы своей не вспоминал, пусть и в разговорах пустопорожных? Ой, лукавили новгородцы, лукавили... Так вот вам! Получай! И правильно – бей своих, чтоб чужие боялись. Татары крымские Москву да иные города русские жгли, а царь Иван – Новгород. Пусть и свой город, да хоть что-нибудь – да сжечь, раз уж в Ливонии теперь мало что получалось.

Вспомнив о родном королевстве – кстати, царем Иваном и пожалованном на вассальных правах, – Арцыбашев вздохнул и прикинул, что тут, в кремле-детинце, расположено. На предмет коли вдруг удастся наружу выбраться, так куда бежать?

Софийская сторона, где кремль, во время погрома местами выгорела, однако кремль уцелел, как и несколько старинных улиц: Варяжская, Яблонева, Козьмодемьянская. На Торговой стороне дела обстояли получше: и церковь Иоанна на Опоках белела, как прежде, и на Торговой площади все так же возвышался ступенькою одноглавый храм Святого Георгия, рядом с ним – стройная, словно березка, церковь Успения Пресвятой Богородицы, напротив – краснокирпичная Параскевы Пятницы, и, конечно, осанистый, плечистый Никольский собор. Ну,

это на Торговой... А здесь, в кремле, что? Разбойного приказа палаты – в подвале как раз Магнус-Леонид и сидел, напротив – древний Софийский собор, за ним, чуть правее, Проезжая (Пробойная) башня к мосту через Волхов.

Да, если бежать, так на Торговую сторону, она от пожаров меньше пострадала, особенно та ее часть, что за Федоровским ручьем – бывший Плотницкий конец. Щитная улица, Запольская, Загородцкая... Яблоневые сады, заросшие пустоши – есть, где укрыться, спрятаться. Ненадолго, правда, да хоть денек пересидеть, дольше вряд ли выйдет – стрельцов на прочес пустят, найдут.

Жаль, никаких хороших знакомых в Новгороде нет. И непонятно, куда Машу увезли. Маша, Марьюшка...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.